

А

Жуковский В. А. Письмо Булгакову А. Я., 3/15 марта 1850 г. Баден-Баден / [Вступ. ст. и примеч. С. Г. Блинова, С. Д. Воронина, В. М. Мельникова, А. Л. Налепина, М. Д. Филина] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII--XX вв.: Альманах. -- М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. -- С. 43--45. -- [Т.] I.

<http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-043-.htm>

Письмо В. А. Жуковского к А. Я. Булгакову

Среди эпистолярного наследия Василия Андреевича Жуковского его письма к Александру Яковлевичу Булгакову (1781--1863), писанные из-за границы, занимают особое место. И дело не только в гениальности Жуковского, но и в уникальности Булгакова. Суть в том, что большая доля писем, отправляемых корреспондентами в Москву, проходила через руки, а подчас даже через глаза московского почт-директора, коим с 1832 по 1856 г. пребывал Александр Яковлевич. Помня о роли, которую играла переписка в общении между людьми века XIX, можно представить, какой полнотой информации о своих современниках волею-неволею обладал этот человек.

Одно из таких писем, отправленное 67-летним поэтом-романтиком в Москву из Бадена, сохранилось в коллекции Ю. Г. Оксмана*. Письмо известно, публиковалось в извлечениях; но не публиковалось полностью. Написанное 3/15 марта 1850 г., оно дышит воздухом годов 1810-х, напоминает о славной череде лет "арзамаских", о душевной младости, которую до конца дней своих хранили и Сверчок и Светлана...**.

В. А. Жуковский -- А. Я. Булгакову

Возвратился ли ты наконец из Петербурга, мой добрый Александр? И твои письма, и приложенные к ним письма от моих я получил, и благодарю тебя сердечно. Но не благодарю за то, что ты все меня величаешь ленивцем, тогда как я довольно часто пишу к тебе. Правда многие мои письма весьма недлины -- но ведь для длинных писем у меня совсем нет материалов. Я веду жизнь уединенную, о том, что у меня дома делается сказано один раз навсегда: мир домашний. Об болезни жены говорить не хочется -- тяжело и грустно. И тем более тяжело, что эта болезнь, несчастье сама по себе, приковывает меня уже несколько лет к заграничному, противному мне житью, а вы все попрекаете мне, что я забыл Русь, и все бредите (чтобы только что-нибудь сказать), что я совсем решил покинуть отечество. На такие бредни и рука не подыметься отвечать. Писать о политике?.. чтоб чорт побрал эту собаку политику с архисобакою Пальмерстоном¹ и со всеми комунистами²: красными, черными и оранжевыми и канительными (как говаривал во время оно наш домашний дурак Варлашка)! Меня всякий раз тошнит, когда приносят мне газеты. Покойный Франкфуртский парламент сделал одно доброе дело: я подписался на стенографические протоколы его заседаний, и вот уже более года как подтираю ежедневно жопу этими протоколами: бумага мягкая, немецкие речи длинны, скопилась ужасная кипа очистительных подтирок, и, так как, все эти немецкие речи имеют сродство с тем, что у меня каждое утро выходит противоположным полюсом тому, из которого в начале своем эти речи исходили, то и вышло, что с тех пор, как началась эта операция в низких регионах телесного моего состава, т. е. с тех пор, как я немецким парламентом подтираю свою русскую жопу, мои запоры прекратились, и никогда не производил я таких огромных кренделей моим задом, какие произвожу теперь во славу Германского союза. Ты видишь однако, что и эта ежедневная операция может служить материалом только для одного письма -- остальное время мое посвящено такому делу, которое со временем дойдет до тебя печатное³, следственно, оно еще менее годится для писем.

Хорош и Вяземский⁴; он пишет из Константинополя в Петербург длинные письма о том, что я не пишу к нему из Бадена; а сам ко мне не пишет. Пошли ему это письмо для прочтения. А чтобы вы знали обо мне что-нибудь неполитическое, скажи, что я остаюсь в Бадене до конца июня, потом на 6 недель в Остенду или в Скевенинген⁵; оттуда на зиму в Ревель. Следовательно, если Бог велит, и если опять болезнь жены не привинтит меня к какому-нибудь углу в Германии, мы увидимся будущей зимою; это значит, что я побываю в Петербурге и в Москве пока один без жены -- а потом Бог скажет что.

Прости, обнимаю